

Р. А. Ромашов

ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ РОССИИ И ЗАПАДА: ПАРАЛЛЕЛИ И ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

В первый день Международных Лихачевских чтений, слушая профессора Гусейнова, я обнаружил, что и сам длительное время разрабатываю многие высказываемые им идеи. Вероятно, озвученный Гусейновым подход к проблеме взаимодействия цивилизаций разделяют многие. Цивилизации поставлены в условия, когда не взаимодействовать они не могут, и односторонней силы в этом вопросе не существует. Военная доктрина разных государств гласит: ядерной войны не будет, потому что это война на уничтожение, а уничтожение не нужно ни сильному Западу, ни слабому не-Западу.

Во-вторых, цивилизации могут экстраполироваться на людей. То есть человек — это микроцивилизация, поэтому взаимодействие цивилизаций можно проецировать по принципу взаимодействия людей. Здесь возникает очень большая проблема, ведь, условно говоря, представители социума делятся на две категории: друг — свой, и чужой — враг. Точно так же существуют два мира: мир не войны и мир войны. Как только мы вступаем из мира не войны в мир войны, социум делится на две категории: свои и чужие. И в данном случае ни о каком диалоге уже не идет речь. Потому что врага нужно и можно уничтожать, у врага можно и нужно отбирать — это трофеи, а не грабеж. Если мы живем в поликультурном мире и если мы проецируем этот мир на людей, то тогда мы должны четко определяться: с какими людьми мы дружим, а с какими — нет. Иными словами, либо у нас будет образ врага спроецирован вовне, и тогда он будет спланивающим фактором, либо мы будем искать внутреннего врага (тогда он выступает в качестве деструктива). Поэтому, если мы начинаем говорить о диалоге цивилизаций, мы четко определяем, общаемся ли с цивилизацией-врагом либо с цивилизацией-другом, союзником, партнером.

В то же время мир живет по двум матрицам (об этом тоже упоминал Гусейнов): космополитизм (с его многополярностью мира и адекватным восприятием различий людей) либо шовинистический эгоцентризм (то есть восприятие собственной нации как единственно возможной, а всех остальных — как субкультур, антикультур, варваров).

Сильный Запад в настоящий момент предлагает ту самую поликультурность. Россия попыталась перейти к поликультурному миру только один раз: от концепции «Москва — Третий Рим» (понимаем, что Четвертого Рима не будет, все остальное — варварство, ересь, антицивилизация) к концепции отождествления России с другими государствами (такую попытку предпринял в 1721 г. Петр I, назвавший Россию империей). Признание России империей означает, что она не одна в этом мире, что существует, например, Запад, с которым можно вести диалог. Тогда существовала великая Германская империя. Россия объявила себя империей, и Петр I вступил в иерархию западных монархов, сразу заняв в ней высокое положение. Именно с этого момента можно говорить, что мы попытались войти в состав западной цивилизации (несмотря на то что Запад, говоря о том, что он заканчивается на

Прибалтике, так и не признал до сих пор, что Россия — западное государство). Мы утверждаем, что приемлем западные ценности. Но действительно ли приемлем?..

Когда мы говорим о правовой культуре, мы понимаем, что, во-первых, правовая культура, как и любая культура, — это антипод природы (естественного мира, в котором человек может жить и быть его частью), искусственная среда обитания, предполагающая разрешение конфликтов. Поэтому я не могу согласиться с профессором Лапаевой в том, что право с древнейших времен существует само по себе. Тогда можно утверждать, что и в стаде тоже есть право. Если говорить о правовой культуре, то, безусловно, это система источников. Это та самая культура-наследие, либо культурная ментальность, которая предполагает традиционно выработанное отношение к правовым регуляторам, правовым отношениям, правосудию. И здесь я полностью согласен с тем, что отношение к правосудию в России, Японии или Америке совершенно разное. Если мы начинаем рассматривать правовую культуру, то в настоящий момент мы можем говорить о том, что правовая культура как абстракция — явление, присущее практически всем странам и народам, которые перешли на государственную стадию развития. На этих основах базируется правовая культура Запада.

Рассмотрим три критерия: отношение к понятиям «свобода» и «права человека»; восприятие Западом и Россией понятия «государство»; отношение понятий «государственная власть» и «частная собственность». Первый момент: понятие «права человека», и прежде всего понятие «свобода». Для западного человека свобода — это «определенная» самостоятельность, «определенная» правом. При этом первоначально право одного человека ограничивается правом другого. Для того чтобы избежать массового самосуда, вводится правовой инструментарий, и мы с этим соглашаемся. Понятие «свобода» как самостоятельность, ограниченная известными пределами, понятие «права человека» — вот тот минимум личной свободы. Он является универсальной ценностью и не может быть нарушен никем, прежде всего самим государством. Применительно к России в таком понимании о свободе говорить нельзя, соответственно нельзя говорить и о правах человека. В российской ментальности свобода — это воля, а воля — это неограниченная свобода, произвол. Прав человека здесь быть не может: государство установило, что такое права человека, государство задало, в каком объеме эти права существуют, и государство же распоряжается ими. Но ведь государство — это люди, то есть власть произвольна в своих отношениях и подданные произвольны в своих отношениях. Гражданин — это западный субстрат, гражданин — это субъект, обладающий правом и свободой, гражданин — это и есть микрогосударство. А россиянин — это либо господин, либо подданный.

Представляется, что существуют три образа государства, которые в той или иной степени здесь

отражаются. Это государство-отец, патримония, патриархат; государство-бандит; государство-партнер. Запад дошел до того, что государство — это некий абстрактный, коллективный партнер. Поэтому с XV в. Запад не мыслит категориями королевств, Запад мыслит категорией «стэйт». «Стэйт» — это не государство — патримониальное владение; он предполагает переход от суверенно-политического королевства к суверенитету «стэйт», к некоему политико-правовому порядку управления (в данном случае это механизм акционерного общества, когда реальная власть, реальные деньги — у акционеров, а управление осуществляется в интересах акционеров, иначе им такое управление не нужно). Применительно к россиянину — парадоксальная ситуация. В сознании уживается государство-бандит и государство-отец. Государство не любят, государство ругают, но вместе с тем от государства чего-то ждут. Государство — должно, государство — обязательно. При этом очень четко восприятие государства-бандита и государства-отца трансформируется в отношении к главе государства — тому самому доброду, справедливому отцу, который, например, абсолютно точно негативно воспринимаем бюрократическим аппаратом. Государь и бюрократия — это две разные вещи. Бюрократия — это бандит, который залезает в мой карман, а вот отец — это государь.

В связи с этим остановлюсь на проблеме соотношения государственной власти и частной собственности. В рамках государства «стэйт» существует зависимость: сама по себе свобода, сами по себе права человека — это первичный элемент частной собственности. Государство есть союз частных собственников, соответственно публичная власть является производной от власти и свободы собственника, который делегирует государству определенную часть полномочий. Применительно к России — пуб-

личная власть является первичным элементом, необходимым для того, чтобы приобрести контроль над собственностью. В таком понимании частной собственности в России нет. Для России характерна публичная власть, и она является основной ценностью и основной собственностью. Если у вас есть власть — вы владеете страной. Поэтому и борьба за власть приобретает характер борьбы за собственность. В рамках западного подхода существует понятие традиционности (то есть собственность приобретает, накапливается, передается по наследству). В России же развитие обрывочное либо циклическое. Когда собственность накапливается, доходит до определенного критического момента, происходит перераспределение власти и собственности. Это не большевики придумали. Можно рассматривать историю: Иван Грозный, Петр I, большевики, приватизация. Это факторы, связанные не с негативными моментами, это циклические процессы, которые могут быть выделены в истории России.

В завершение своего выступления отмечу, что мы — культуры параллельные, но взаимодействующие. Это предполагает одни и те же критерии права и свободы. При этом данные вопросы решаются кардинально по-разному именно в силу культурной, национальной ментальности. В данном случае я исхожу из того, о чем упоминал и А. А. Гусейнов, а именно: если говорить о диалоге, то необходимо исходить из того, что совместное, межцивилизационное решение глобальных проблем — это тот общий знаменатель, который должен быть выведен за скобки внутригосударственных ментальных особенностей. Я полностью согласен с тем, что в таком понимании международного права не существует. Есть сферы международно-правовых отношений, и есть право силы, право войны, право договора. Договариваются, как правило, те, кто обладает примерно равными силовыми потенциалами.

* * *

Е. М. АСТАХОВ: — Вы считаете, что для Запада самое главное — национальные ценности прав человека? Возможно ли, что эти категории могут быть только внутри страны, а не вовне, ведь когда нарушаются права человека других стран, ценности совершенно деформируются? Страны Европейского союза, если рассматривать их разведывательную деятельность друг против друга, ведут не только промышленный шпионаж, но и работу спецслужб по подрыву некоторых политических конструкций.

Р. А. РОМАШОВ: — Я не случайно начал свое выступление с экстраполяции диалога цивилизаций на диалог людей. Когда мы общаемся с врагом, отношения совершенно иные: убийство врага — это подвиг, ограбление врага — это трофей. Поэтому можно говорить, что Запад развивается в рамках деклараций. Так, декларируется, например, право на жизнь, хотя универсальным оно не является. Универсальное право на жизнь предполагает, что жизнь Шамиля Басаева и жизнь президента В. В. Путина — это две равнозначные категории. Как в таком случае относиться к тому, что озвучиваются планы по физическому уничтожению лидера банд-формирований, а в Уголовном кодексе РФ установлен мораторий на смертную казнь. С точки зрения естественного права это нонсенс. Иными

словами, если экстраполировать данное понимание на людей, то либо это человек-человек, либо человек-враг. Враг не человек. В отношении врага не действуют универсальные категории.

Существует образ врага, который хорошо сохранился и идет от родоплеменных структур, где существуют запреты. Это протоправо сводится только к табуированным запретам, никак не объясняемым. Поэтому жизнь делится на «черное» и «белое». Почему Запад начал прогрессировать? Потому что на Западе появился институт внешнего рабства. Поэтому и отношение к образу врага, которое формируется в настоящий момент, обывательское, стихийное. Например, отечественный блокбастер, фильм «Александр», по сути — формирование образа врага. Причем интересно: если сравнить фильм «Александр Невский» с Н. К. Черкасовым в главной роли и нынешнюю картину — происходит трансформация образа врага. В первом — это немец, и понятно почему, а во втором — это Западная Европа, западный католицизм. Интересно, что идет ослабление образа врага применительно к татаро-монгольскому игу. Иго-то выступает с точки зрения сотрудничества! Так, образ внешнего врага сохраняется — он носит сплавляющий характер, а образ врага внутреннего — разрушающий.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Не должны ли мы учиться использовать правовую риторику Запада в своих интересах, и для этого нам надо совершенствовать собственную теорию права? Ведь мы заинтересованы в том, чтобы видеть внутри страны в человеке человека.

Р. А. РОМАШОВ: — Согласен. И как раз пытаюсь прежде всего в себе увидеть человека, пытаюсь студентам говорить о том, что мы живем в рамках субординационных отношений. И эти субординационные отношения могут проецироваться на отношения в семье, образовательном вузе и на работе — на отношения начальник — подчиненный. Мы считаем, что распоряжение начальника, приказ отца, мнение преподавателя являются истинными. Пытаюсь исходить из того, что если мы общаемся с ребенком — а это такой же человек, как и мы, — он видит тот же самый мир. В процессе обучения преподаватель должен учить не избегать проблем, а, живя в обстановке проблем при том потенциале, который у человека есть, пытаться решить проблему с теми, с кем ее можно решить. Как мы к этому человеку относимся? Он человек, не враг. А в отношении врага действуют совершенно другие принципы: его нужно уничтожать.

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Сегодня звучат очень интересные выступления. Но я пока не услышал, в чем же сила России? Думаю, этот вопрос возникает у многих. Когда я говорю «своя идеология», то имею в виду не ту официальную идеологию, которая официализируется соответствующим образом, а ту, которая вырабатывается глубоко в недрах народа. Задача политиков — найти рациональное зерно этой идеологии и построить государственную идеологию, основываясь на народной. Когда я сравниваю Украину и Россию, обнаруживается, что

у нас принципиально разные подходы к решению этой задачи. В России испокон веков было сильное, мощное богатое государство. И если где-то в глубинке Сибири спросить пьяного мужика: «А ты за Россию?» Он ответит: «Я за Россию!», вне зависимости от материального положения. В Украине к этому вопросу иной подход. Там довольно долго проповедуется украинская идея. Но в чем она состоит, трудно определить. Поэтому она не воспринимается как таковая. «Украина — не Россия» — так назвал свою книгу наш бывший президент. Но, тем не менее, Украина — многонациональное государство. Скажем, в Юго-Восточной Украине — одна идеология, а в Западной Украине — другая, и они постоянно конфликтуют. Поэтому сложно осознать реальное положение вещей, и когда звучит лозунг, что нужна сильная Украина, он не воспринимается. И это тоже вековые традиции. Думаю, что такая идеология, которая существует в России, обеспечивает решение и других задач. Руководство России это понимает, потому опирается именно на такие подходы.

Е. М. АСТАХОВ: — Вы сказали про национальную идею Украины. Вы имеете в виду национальную идею, общую и для Западной, и для Восточной Украины? По Вашему мнению, сколько кланов владеет сейчас украинской экономикой?

Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО: — Трудный вопрос. Потому что я не принадлежу ни к одному из кланов. А идеологию Украина ищет, безусловно, объединяющую. Сейчас у нас была проведена программа «Выдающийся украинец», и по итогам опроса Бандера оказался на третьем месте, а на первом — Ярослав Мудрый. Объединяющая всех славян идея — славянская, но у западной части населения Украины она отработана своя идеология.